

АРКАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕМИНУЩИЙ

доктор филологии, профессор кафедры русистики и славистики гуманитарного факультета, Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия)
arkadij05@inbox.lv

«ФИЗИОЛОГИЯ» ОСВОЕНИЯ ЧУЖОГО ПРОСТРАНСТВА В МОРСКОМ ТРАВЕЛОГЕ И. А. ГОНЧАРОВА

Проблема специфики книги очерков И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» в разное время привлекала внимание литературоведов. Однако изучение таких аспектов, как поэтика, стилистика, связь с европейской и российской жанровой традицией, не дает ответа на целый ряд важных вопросов. Среди них актуальным можно считать выяснение особенностей демонстрации в тексте восприятия незнакомого, чужого пространства еще и с точки зрения физиологических реакций путешественника-неофита. Анализ данного уровня повествования показывает, что И. А. Гончаров с помощью введения названных компонентов ведет полемику с романтической версией травелога и опирается при этом на ряд значимых эстетических приоритетов русской «натуральной школы».

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Фрегат Паллада», пространство, физиология восприятия, «натуральная школа»

Книга очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» уже не раз становилась объектом пристального внимания литературоведов. Аспекты изучения были весьма разнообразными: исследовались, к примеру, особенности жанровой принадлежности [2], соотношение точек зрения героя и повествователя [6], семантико-стилистическое своеобразие текста [9], историософские воззрения автора [1: 12–15] и многое другое. Не последнее место в указанных штудиях занимала и проблема связей гончаровского опыта с предшествующей европейской и российской традицией. Так, скажем, Е. А. Краснощекова увидела в книге Гончарова ориентацию на модель путевых очерков эпохи Просвещения, и в частности на известное писателю сочинение Ш. Дюпата «Письма из Италии» (1788), с их установкой на расширение познаний читателя об окружающем мире [3: 151]. Кроме того, исследовательница справедливо указывала на очевидные, хотя и весьма неоднозначные, в формате «притяжения» – «отталкивания» ассоциации с хронологически более близкой Гончарову романтической маринистикой в виде уже художественной прозы и поэзии С. Кольриджа, Д. Байрона, Ф. Марриета. В качестве же вполне определенных ориентиров упомянуты повести А. А. Бестужева-Марлинского «Лейтенант Белоузор» (1831), «Фрегат “Надежда”» (1833) и «Мореход Никитин» (1834), а также лирика Пушкина и Бенедиктова [3: 145].

Несколько упрощая, можно констатировать, что в подобных образцах литературы романтической эпохи водная стихия воссоздается и интерпретируется не как реальная среда, а скорее как многозначный символ или аллегория. При этом отношения в рамках оппозиции «море» – «человек» реализуются двояко: либо как борьба с целью самоутверждения, либо как слияние и знак обретения безграничной свободы. Преодоление морских и океанских просторов, в изображении

которых по сути дела «сняты пространственные определители» [5], становится для романтического героя прежде всего путешествием духа. Однако любое путешествие по определению есть еще и передвижение человеческого тела в незнакомом до определенного времени, «чужом» пространстве, что по уже названным причинам для романтиков не имело существенного значения.

В связи со сказанным даже в первом приближении выясняется, что Гончаров воссоздает и интерпретирует коллизии морского вояжа в ином формате. Одним из важнейших аспектов восприятия и фиксации впечатлений героя-рассказчика становится еще и физиология в широком смысле понимания этой категории.

Собственно говоря, именно мотив грядущих телесных испытаний открывает повествование в книге «Фрегат “Паллада”». Уже во втором абзаце первой главы рассказчик упоминает, к примеру, о своей физической изнеженности, не позволяющей ему спокойно заснуть, если в комнате журчит муха или скребется мышонок, сообщает о раздражении, которое вызывает пахнущий дымом суп или подгоревшее жаркое, не чистая, как хрусталь, вода в стакане и другие бытовые неурядицы. Разворнутый пассаж на эту тему завершается фразой: «И вдруг – на море!» В данном случае позиционируется исходная позиция не просто путешественника, но еще и «сухопутного» человека, абсолютного неофита в морском вояже.

Заявленная вначале тема не угасает, а напротив, разворачивается в многочисленных репликах и вопросах знакомых потенциального морского странника:

– Да как вы там будете ходить – качает? – спрашивали люди, которые находят, что если заказать карету не у такого-то каретника, так уже в ней качает. – Как ляжете спать, что будете есть? <...> ... и на меня смотрели с болезненным любопытством, как на жертву, обреченную пытке (2: 8)¹.

Беспечное и шутливое, по свидетельству самого путешественника, отрицание предсказаний и предостережений в дальнейшем подвергается системным испытаниям, а сам мотив разнообразных телесных практик в кругосветном плавании становится одним из сквозных.

Сразу же необходимо отметить, что опыт пребывания сухопутного человека в условиях морской стихии, как с точки зрения героя, так и автора, носит преимущественно негативный характер, причем в самых разных аспектах. Уже начало плавания еще не в настоящем море, а только в Финском заливе явно не способствует оптимистическому настрою: «Наверху было холодно; косой, мерзлый дождь хлестал в лицо» (2: 17). Кстати говоря, такая отвратительная «петербургская» погода будет настигать путешественника неоднократно, причем даже в южных широтах. Атмосферные условия и их влияние на самочувствие упоминаются в тексте регулярно и опять-таки преимущественно в негативном контексте. Кроме промозглой сырости и ледяных дождей команда корабля страдает от изнурающей духоты в безветрие, а телесно-физиологические последствия работы экипажа под палящими лучами тропического солнца фиксируются с почти протокольной точностью. Так, например, поинтересовавшись, куда пропал приставленный к нему для услуг матрос Фаддеев, рассказчик получает лаконичный ответ: «У него шкура со спины сошла». Отправившись на поиски, герой обнаруживает на палубе других пострадавших моряков и, выделяя среди них одного, весьма натуралистично описывает последствия контакта с неласковым солнцем: «На спину страшно было взглянуть: она была вся багровая и покрыта пузырями, как будто ее окатили кипятком <...>. Все обожженные стонали, охали и морщились» (2: 322–323).

Столь же проблемными оказываются знакомство и попытки обустройства будущего «аргонавта» в пространстве своего «плавучего жилища»:

С первого раза невыгодно действует на воображение все: <...> недостаток света, простора <...> пригвожденные к стенам комоды и диваны, привязанные к полу столы и стулья <...>. Робко ходит в первый раз человек на корабле: каюта кажется ему гробом... (2: 19).

Размещение в тесной каюте необходимых вещей – одежды, письменных принадлежностей, книг и многоного другого, превращается в лишенный логики процесс, где действует не привычная мотивация – «как дома», а совершенно иная, с главенствующим принципом – чтобы было удобнее достать. Поэтому стараниями все того же Фаддеева обувь оказывается в комоде, а вакса, мыло, щетки, чай и сахар – на книжных полках.

Проявления телесного, физического и связанных с ним психологического дискомфорта настигают героя-путешественника в самых элементарных бытовых ситуациях: пресная вода оказывается чрезвычайной ценностью, одной-двумя кружек в день хватает только для питья,

и возникает проблема исполнения гигиенических процедур – членам экипажа предлагается умывание морской водой либо отказ от ритуала вовсе.

Агрессивному воздействию среды подвергается одежда, которая плохо или вообще не защищает тело от постоянной сырости, а несколько месяцев спустя после начала плавания хранящаяся для особых случаев праздничные одеяния приобретают весьма жалкий вид:

Я спросил белый жилет, смотрю – он уже не белый, а желтый. Шелковые галстуки, лайковые перчатки – все были в каких-то чрезвычайно ровных, круглых... пятнах, разных видов, смотря по цвету, например на белых перчатках были зеленоватые пятна, на палевых оранжевые... (3: 38).

Гончаров добросовестно и подробно фиксирует самые разные проявления реакции организма на пребывание в удаленной от земной тверди среде. Так, к примеру, даже обыкновенная боковая или кильевая качка вызывает у обитателей корабля приступы морской болезни. И хотя рассказчик сообщает о том, что счастливым образом оказывается не подверженным этой физиологической неприятности, он все же отмечает невозможность избежать подобных эксцессов даже для профессиональных моряков:

...вот молодой человек, гардемарин, бледнеет, опускается на стул, глаза у него тускнеют <...>. Вот смешили часового, и он, отдав ружье, бежит опрометью на бак. Офицер хотел что-то закричать матросам, но вдруг отвернулся лицом к морю и оперся на борт... (2: 18).

Значительное место в ряду телесной активности персонажа занимает еще и еда. Разумеется, для человека, привыкшего в домашних условиях к обедам с пятью переменами блюд, ежедневное корабельное меню заведомо не может вызвать восторга. Не без раздражения герой сетует на неизбежную в длительном плавании солонину на столе и довольно скучный выбор блюд. Правда, гастрономические описания не лишены известной объективности, и читатель может узнать, например, что в корабельных трюмах содержатся куры и поросыта, обеспечивающие некое кулинарное разнообразие. Вместе с тем негативные коннотации все же преобладают и в этом случае. Так, скажем, во время качки доставленный матросом с камбуза обед по пути может превратиться во что-то весьма малоаппетитное:

Он сел подле меня на полу, держа тарелки. – Чего же ты мне принес? – спросил я. – Тут всё есть, всякие кушанья, – сказал он. – Как всё? Гляжу: в самом деле – всё: вот курица с рисом, вот горячий паштет, вот жареная бааранина – вместе в одной тарелке, и всё прикрыто вафлей. – Помилуй, ведь это есть нельзя (2: 83).

Особое место занимают описания неизбежной в кругосветном плавании экзотической еды. Надо, видимо, заметить в этой связи, что у тех же романтиков категория экзотического в разных его проявлениях, по сути дела, всегда оценивалась позитивно, а иногда и с восторгом как нечто противопоставленное обыденности.

Для автора книги «Фрегат “Паллада”» и его героя актуален совершенно другой подход: экзотическая еда чаще всего не только и не столько предмет изображения, сколько объект вдумчивого изучения и подробного анализа вкусовых ощущений. Причем оценка незнакомого, «чужого» всегда опирается на сопоставление со «своим», знакомым и явно в пользу последнего:

Бананы! Тропический плод! <...>. Мне подали всю связку. Я оторвал один и очистил – кожа слезает почти от прикосновения, попробовал – не понравилось мне: пресно, отчасти сладко, но вяло и приторно, вкус мучнистый, похоже немного на картофель, и на дыню, только не так сладко, как дыня, и без аромата или со своим собственным, каким-то грубоватым букетом (2: 97).

В том же духе презентуется и загадочная «какофига», фрукт «красно-желтый, мягкий, сладкий и прохладительный, вроде сливы; но это не слива, а род фиги или смоквы...» (3: 70).

В целом все, что связано с едой, воссоздается автором преимущественно как вынужденное уклонение от нормы, поэтому можно понять то умиление, с которым путешественник описывает пасхальный обед во время стоянки, когда на столе появляются не экзотическая рыба, мясо лани и фрукты, но привычный, почти домашний набор блюд, а сама трапеза завершается с наслаждением выкуренной сигарой.

Однако самым серьезным испытанием телесных возможностей человека в морском странствии, безусловно, становится шторм. При желании в очерковой эпопее Гончарова можно выделить относительно самостоятельный «штормовой текст», поскольку кроме многочисленных упоминаний в книге представлено не менее пяти развернутых описаний экстремального поведения водной стихии в разных морях и океанах.

Кстати, именно в воссоздании таких картин исследователи прежде всего и видят полемическую установку по отношению к романтической традиции. Правда, полемику усматривают скорее на уровне стилистики, отказа от определенных патетических речевых штампов, уже укоренившихся в сознании читателей, что Гончаров реализует в нарочитой «прозаизации» некоторых деталей, когда штормовое море воспринимается, к примеру, в виде «довольно грязной занавески» [3: 144–145].

Вместе с тем надо признать, что для Гончарова важны и некоторые другие, ментальные аспекты. Разгулявшийся океан для автора и его персонажа в первую очередь – сила, разрушающая всякий порядок и несущая агрессию, временами гибельную по отношению к человеческой жизни вообще и его телу в частности.

Так, в условиях шторма даже обычные вещи приобретают опасные свойства, которые сводятся в основном к потенциальному членовредительству:

...книги, часы, сапоги <...> все это в куче валялось на полу и при каждом толчке металось то направо, то налево. Ящики выскоцили со своих мест, щетки, гребни бумаги <...> все ездило по полу... (2: 78).

Экстремальные обстоятельства вводят и мотив борьбы со стихией, но в весьма своеобразном варианте. Такая борьба не предполагает победы, в языковском, например, духе («Будет буря: мы поспорим // И помужествуем с ней»). Человеческое тело в подобных обстоятельствах становится по сути дела объектом, игрушкой, лишенной собственной воли, причем это касается не только морского путешественника-неофита, но и всех членов экипажа. Важно также, что приобретаемый опыт, в том числе полученные через несколько месяцев плавания так называемые морские ноги, не спасают во время очередного шторма:

Чувствуя, что мне не устоять и не усидеть на полу, я быстро опустился на маленький диван и думал, что спасусь этим, но не тут-то было: надо было прирасти к стене, чтоб не упасть. Диван был пригвожден и не упал, а я, как ни крепился, но должен был к крайнему прискорбию расстаться с диваном. Меня сорвало с него и ударило грудью о кресло... (2: 85).

Список «телесных катастроф» подобного рода выглядит весьма внушительно, что в конечном итоге и определяет отношение героя к штормовым испытаниям. Поэтому упомянутая ранее прозаизация – на самом деле не только и не столько полемика с романтической традицией на уровне поэтики, эстетики и стилистики.

Мотивация оценок не в последнюю очередь диктуется именно физиологическим, телесным состоянием воспринимающего грозное природное явление субъекта. Так, например, откликнувшись на предложение капитана полюбоваться разгулом дикой стихии, гончаровский персонаж реагирует на происходящее в соответствии с собственной системой представлений:

Она (молния. – A. H.) сверкала часто и так близко, как будто касалась мачт и парусов. Я посмотрел минут пять на молнию, на темноту и на волны, которые всё силились перелезть к нам через борт. – Какова картина? – спросил меня капитан, ожидая восторгов и похвал. – Безобразие, беспорядок – отвечал я, уходя весь мокрый в каюту переменить обувь и белье (2: 256).

Любопытно в этой связи, что итоговая оценка штормового океана поверяется не уже существующими в памяти героя поэтическими версиями Байрона, Пушкина или Бенедиктова, а куда более приземленным набором эпитетов – «соленый, скучный, безобразный и однообразный». По этой причине вполне закономерными выглядят во время шторма, застигнувшего корабль в Китайском море, дотошные наблюдения персонажа не за враждебными человеку «безобразиями», а за показаниями барометра с фиксацией десятых и даже сотых делений на шкале прибора, влияющих в том числе и на самочувствие, что в романтическом тексте, конечно же, невозможно представить.

Разумеется, отношение к морскому пространству в книге Гончарова не укладывается только в рамки представленного смыслового ряда. В те

редкие моменты, когда тело путешественника пребывает в состоянии комфорта, его не терзает холдный ветер и не изнуряет жара – наступает умиротворение, которое дает возможность увидеть еще и красоту: «...было совершенно прохладно, ночь тиха... ярко блестала зарница – вечное украшение небес в здешних местах. Прямо на голову текли лучи звезд, как серебряные нити» (2: 274).

Наконец, такое гармоничное состояние позволяет герою несуетно разворачивать процесс мышления, философствовать, систематизировать наблюдения над укладом жизни незнакомых ранее народов и вообще познаваемого в путешествии мира.

С другой стороны, даже такие наступающие иногда просветления духа не могут отменить одну из значимых финальных сентенций: «Как ни привыкаешь к морю, а всякий раз, как надо сниматься с якоря, переживаешь минуту ску-

ки: недели, иногда месяцы под парусами – не удовольствие, а необходимое зло» (3: 294–295). В данной констатации, как думается, также присутствует деромантизирующий скепсис.

Представленная автором своеобразная «хроника телесного существования» в морском вояже позволяет предположить, что в данном случае не обошлось без влияния эстетики и поэтики «натуральной школы», с которой Гончаров был в свое время связан. Большинство исследователей склонны транслировать идею ограниченности такого влияния, которое обнаруживается, по их мнению, только в ранних прозаических опытах писателя [7: 8–12]. Однако приведенные наблюдения дают возможность утверждать, что жанровый ресурс «физиологических» очерков оказался востребованным и в книге «Фрегат „Паллада“».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Правда, 1972. Т. 2. 352 с. Т. 3. 464 с. В тексте указывается в круглых скобках том и через двоеточие страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева С. А. Философия истории в книге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 18 с.
2. Дановский А. В. «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова – очерковая эпопея путешествия // Литературная учеба. 2004. № 5. С. 12–31.
3. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
4. Мокеева И. Н. Жанровое своеобразие «Фрегата „Паллада“» И. А. Гончарова // Гончаров И. А.: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 95–104.
5. Недзвецкий В. А. «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук. Серия лит. и яз. 1993. Т. 52. № 2. С. 43–55.
6. Пинженина Е. И. Мир в герое и герой вне мира: эволюция точки зрения героя-повествователя в книге очерков «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 92–96.
7. Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. 168 с.
8. Смирнов А. А. Романтическая лирика А. С. Пушкина как художественная целостность. М.: Наука, 2007. 309 с.
9. Юркина О. В. Образ «живого космоса» как доминанта семантико-стилистической системы очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 4 (Ч. 2). С. 87–91.

Neminuscijs A. N., Daugavpils University (Daugavpils, Latvia)

THE “PHYSIOLOGY” OF ADAPTING FOREIGN SPACE IN SEA TRAVELOGUE OF I. GONCHAROV

The problem of specificity of the sketchbook “Fregat Pallada” (Pallas’ Frigate) written by I. Gorchakov has attracted attention of literary scholars during various periods. However, a research of such aspects as poetics, stylistics, relation to European and Russian genre traditions does not provide an answer to a whole range of important questions. Among important issues is the identification of peculiarities demonstrating perception of the strange, foreign space from the standpoint of physiological reactions of a neophyte voyager. The analysis of the narrative of the given level shows that I. Goncharov, by means of activation of the above mentioned components, initiated a debate with the romantic version of travelogue proceedings. His polemic is based on a number of significant aesthetic priorities intrinsic to the Russian “naturalist school”.

Key words: I. Goncharov, “Fregat Pallada”, space, physiology of perception, “naturalist school”

REFERENCES

1. Vasilyeva S. A. Philosophy of history in I. Goncharov’s book “Fregat Pallada” [Pallas’ Frigate]: Author’s abst. PhD philol. diss. Tver, 1998. 18 p. (In Russ.)
2. Danovsky A. V. “Fregat Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov – a sketch epopee of a voyage. Literaturnaya ucheba. 2004. No 5. P. 12–31. (In Russ.)
3. Krasnoshchekova E. A. I. A. Goncharov: the world of his oeuvre. St. Petersburg, 1997. 492 p. (In Russ.)
4. Mokejeva I. N. The specificity of genre of “Fregata Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov. Goncharov I. A. Materials of the conference dedicated to the anniversary of Goncharov in 1987. Ulyanovsk, 1992. P. 95–104. (In Russ.)
5. Nedzvetskiy V. A. “Fregat Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov: the mystery of the genre. Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 1993. Vol. 52. No 2. P. 43–55. (In Russ.)
6. Pinzhennina E. I. The world in the hero and the hero out of the world: the evolution of the point of view of the hero-narrator in the sketch book “Fregata Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. No 22. P. 92–96. (In Russ.)
7. Otradin M. V. I. A. Goncharov’s prose fiction in the context of literature. St. Petersburg, 1994. 168 p. (In Russ.)
8. Smirnov A. A. Romantic lyrics of A. S. Pushkin as an artistic unity. Moscow, 2007. 309 p. (In Russ.)
9. Yurkina O. V. The image of the “living space” as a dominant of the semantico-stylistic system of travel sketches “Fregata Pallada” [Pallas’ Frigate] by I. A. Goncharov. Vestnik of Saint-Petersburg University. 2004. Ser. 9. Philology. No 4 (Part 2). P. 87–91. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.10.2017